

ФИЛОЛОГИЯ

ОБРАЗ ЛЮЦИИ В РОМАНЕ М. КУНДЕРЫ «ШУТКА» НА ФОНЕ РИТУАЛА, МИФА И ФОЛЬКЛОРА

© Е. Е. Стефанский

Стефанский
Евгений Евгеньевич
доктор филологических наук
профессор кафедры
гуманитарных дисциплин
Самарская
гуманитарная академия
e-mail: estefanski@rambler.ru

В статье рассматривается образ главной героини романа «Шутка» Люции сквозь призму ритуала, мифа и фольклора. Так, групповое изнасилование, которому Люция подверглась в юности, показано как обряд посвящения, свойственный древним охотничьим коллективам. Ее возвращение к людям описано в стилистике легенды, а возвращение к жизни статусной женщины — по моделям былички.

Ключевые слова: анализ, миф, ритуал, фольклор, Милан Кундера.

В романе чешского писателя Милана Кундеры «Шутка» необыкновенно высока концентрация ритуальных, мифологических и фольклорных элементов. Достаточно сказать, что через все произведение сквозным мотивом проходит обряд «Конница королей». Кундера и его герои справедливо полагают, что он восходит к языческим временам и является памятью об обрядах, когда мальчиков посвящали в мужчин. Причем для понимания произведения важны не только и не столько воспроизводимые автором фрагменты данного ритуала, сколько его семиотика, на подсознательном уровне понятная носителям чешской культуры и актуализирующая многие общечеловеческие проблемы.

По словам В. Я. Проппа, обряд инициации, или посвящения, был одним из институтов, свойственных родовому строю, и имел целью приобщение юношей к родовому объединению. Пройдя этот обряд, юноша становился статусным мужем и приобретал право вступать в брак.

Этнографами отмечено, что после прохождения инициации юноши достаточно долгое вре-

мы жили в лесу в так называемом мужском доме. Как отмечает В. Я. Пропп, «мужской дом запрещен женщинам в целом, но этот запрет не имеет обратной силы: женщина не запрещена в мужском доме. Это значит: в мужских домах всегда находились женщины (одна или несколько), служившие братьям женами». Исследователь приводит свидетельства одного из этнографов, наблюдавших это явление у примитивных народов: «Половые потребности юношей удовлетворяются тем, что отдельных девушек насильно уводят в мужской дом, где они одновременно нескольким служат возлюбленными и получают от них подарки». Этот обычай нашел отражение в сказках. Пропп пересказывает фрагмент из монгольской сказки: семь царевичей идут в рощу (рудимент леса) «разогнать скуку». Они встречают необыкновенной красоты девушку. «Послушай, что мы тебе предложим. Нас семь братьев-царевичей, и у нас до сих пор нет жен. Будь нашей супругой! Девушка та согласилась, и они стали жить вместе»¹.

В редуцированном виде этот обычай отразился и в посвятительных обрядах традиционной культуры. «После угощения новичка качали на руках, и все шли на танцы, где ему выделялась партнерша, которая должна была провести с ним вечер, или прямо на свидание в дом к девушке, которая также выделялась ему на этот вечер и не могла отказаться от общения с новичком»².

Этот же сюжет (где мотив сексуальной жизни девушки в мужском коллективе купирован) хорошо известен русским по сказке «Три медведя», а также по литературным сказкам «О мертвой царевне и семи богатырях» и «Белоснежка и семь гномов».

По этой же модели складывается судьба героини романа «Шутка» Люции. В условиях трудного военного и послевоенного детства и на фоне нелюбви в семье Люция находит отдушину в компании сбившихся в стаю парней, в сознании которых актуализируется древняя матрица «волчьей маргинальности»³. Рассказать этот эпизод из своей жизни Люция решает лишь доктору Костке. Именно в его пересказе об этом узнает влюбленный в Люцию в юношеские годы Людвик, а вместе с ним и читатель. Показательно, что даже в пересказе набожного Костки этот эпизод выглядит не как групповое изнасилование, а именно как ритуал, причем эту ритуальность осознают как Люция, так и парни:

«Их было шестеро и одна она. Шестеро, от шестнадцати до двадцати. Ей было шестнадцать. Они составляли команду и *говорили о ней всегда с уважением*, словно это была *языческая* секта. В тот день зашла речь о *посвящении*. Принесли несколько бутылок дешевого вина. Она участвовала в попойке со слепой преданностью, в которую вкладывала всю неудовлетворенную любовь к матери и отцу. Она пила, когда они

---

¹ Пропп В. Я. Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. С. 212–214.

² Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 томах. М.: Международные отношения, 1999–2012. Т. IV. С. 191.

³ Термин В. Ю. Михайлина. См.: Михайлин В. Ю. Русский мат как мужской обценный код: проблема происхождения и эволюция статуса // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. С. 347–393; Михайлин В. Ю. Между волком и собакой: Героический дискурс в раннесредневековой и советской культурных традициях // Новое литературное обозрение. 2001. № 47. С. 278–320.

пили, смеялась, когда они смеялись. Потом велели ей раздеться. Никогда прежде она перед ними такого не делала. Поначалу она колебалась, но, когда разделся сам **вожак** команды, она поняла, что приказ направлен не только против нее одной, и послушно подчинилась. Она **доверялась** им, доверялась и их грубости, они были ее **защитой**, ее **щитом**, она даже представить себе не могла, что без них делала бы. Они были ей **матерью**, были ей **отцом**. Они пили, смеялись и без конца отдавали приказы. Она раздвинула ноги. Она боялась, она знала, что это означает, но покорилась. Увидев у себя кровь, закричала. Ребята горланили, поднимали рюмки и **лили дрянное шипучее вино на спину вожака, на ее тело, промеж ног их обоих, выкрикивали какие-то слова о Крещении и Посвящении**, а потом вожак поднялся, и к ней подступил другой член команды. Так **они подходили к ней по возрасту**, а напоследок подошел самый младший, которому было шестнадцать, как и ей, и тут она уже не выдержала, не выдержала от боли, от усталости, хотелось остаться одной, а так как этот последний был самый младший, она осмелилась его оттолкнуть. Но именно потому, что последний был самый младший, он не пожелал быть униженным! Как-никак он был членом команды, ее полноправным членом! Он хотел это доказать и потому отвесил Люции пощечину, и никто из команды не заступился за нее, все знали, что и **самый младший имеет такие же права и требует того, что ему положено**. У Люции брызнули слезы, но у нее не хватило смелости воспротивиться, и, стало быть, она раздвинула ноги в шестой раз... <...> А потом это часто повторялось и в той же квартире, и в других, и еще на природе. Это стало в команде **обычаем**⁴.

Дальнейшая судьба Люции также строится в соответствии с логикой древнего обряда. Уехав в Оставу, Люция пытается связать свою судьбу с Людвиком. Однако с точки зрения мифологического сознания Людвик не является «статусным мужем», поскольку проходит действительную военную службу — модернизированный в современном обществе обряд инициации, предполагающий двухлетнее пребывание в «мужском доме», именуемом казармой. Таким образом, их любовь в соответствии с древней моделью не может перерасти в брак⁵.

Возвращение Люции в «культурный локус» после расставания с Людвиком и бегства из Оставы также изображается в соответствии с фольклорно-мифологическими традициями.

Рассматривая обстоятельства, связанные с возвращением героя или героини сказки домой после посвящения, В. Я. Пропп отмечает достаточно устойчивый мотив: герой, возвращающийся домой, часто бывает вымазан в саже, более того, в течение определенного срока ему запрещено умываться и менять одежду. В результате герой становится таким грязным, что при выходе к людям его не узнают, говоря, что он так грязен, что невидим. «Таким образом, — делает вывод В. Я. Пропп, — неумывание связано с невидимостью»⁶.

⁴ Кундера М. Шутка / пер. Н. Шульгиной. СПб.: Азбука-классика, 2003. С. 310—312.

⁵ Показательно, что неудачным оказывается и заключенный во время армейской службы брак одного из сослуживцев Людвика пражанина Стани. См. также анализ с мифо-ритуальных позиций повести А. И. Куприна «Поединок»: Стефанский Е. Е. Эмоциональные концепты как фрагмент мифологической и современной языковых картин мира (на материале концептов, обозначающих негативные эмоции в русской, польской и чешской лингвокультурах): монография. Самара: Самар. гуманитар. акад., 2008. 316 с.

⁶ Пропп В. Я. Морфология <волшебной> сказки. С. 224.

Именно мотив ритуальной невидимости Люции появляется на страницах романа «Шутка», когда она оказывается в окрестностях деревни, где работает Костка, а сама история стилистически оформляется как легенда о «балованной фее»:

«Однажды вечером дети разложили костер за деревней, покрыли его картофельной ботвой и в раскаленную золу бросили картошку. Потом поглядели в сторону леса, и тут вдруг одна девочка закричала, что видит ее, что она смотрит на нее из лесного сумрака. Какой-то мальчик схватил ком земли и швырнул в том направлении, в каком указывала девочка. Как ни странно, не раздалось никакого крика, но случилось другое. Все дети кинулись на мальчика и чуть не сшибли его с ног».

Как бы там ни было, но брошенный ком земли разжег любовь детей к заблудшей девушке. Еще в тот же день они оставили у догоревшего костра кучку испеченных картофелин, накрыли их золой, чтобы не остыли, и засунули туда сломленную еловую веточку. Нашли они для девушки и имя. На листочке, вырванном из тетради, написали карандашом, большими буквами: Заплутаня⁷, это для тебя. Записку положили в золу и придавили тяжелым комом. Потом ушли и, спрятавшись в ближних кустах, стали выглядывать пугливую фигурку девушки. Вечер клонился к ночи, но никто не приходил. Дети наконец вынуждены были выйти из укрытия и разбрестись по домам. А ранним утром снова побежали на вчерашнее место. Свершилось. Кучка картофелин, а заодно и записка и веточка исчезли. Девушка стала у детей балованной феей. Они приносили ей горшочки с молоком, хлеб, картошку и записки. Но никогда не выбирали для своих даров одного и того же места. Они оставляли ей еду не в каком-то одном условленном месте, как оставляют нищим, а играли с ней. Играли в потаенные клады. Начали с того места, где в первый раз припасли для нее кучку картофелин, и двигались дальше — от деревни в сторону угодий. Клады свои они оставляли у пней, у большого валуна, у придорожного распятия, у куста шиповника. Они никому не открывали мест, где прятали свои дары. Они ни разу не нарушили этой тонкой, как паутина, игры, никогда не выслеживали девушку и не пытались застигнуть ее врасплох. **Они оберегали тайну ее невидимости**⁸.

Люцию находят в середине ноября, а через месяц, когда приходит из Остравы ее личное дело, ее берет под свою опеку Костка. Примечательно, что именно в это время, 12 декабря, отмечается День святой Люции. По легенде, очаровав своими прекрасными глазами молодого человека, святая Люция, чтобы он не впал в искушение, выколола свои глаза и прислала их ему на блюде⁹. Как подчеркивает В. Я. Пропп, с точки зрения мифологического сознания слепота и невидимость — явления одного порядка: «под “слепотой” понимается не просто отсутствие зрения. Так, латинское *caecus* не только

---

⁷ Показательно, что в чешском оригинале дети придумывают для Люции имя *Zbloudilka*. См.: Kundera M. *Žert*. Brno: Atlantis, 1996. S. 218. В нем использован славянский этимологический корень *blQd — *blkd, который встречается не только в русских глаголах *заблудиться* — *заблуждаться*, но и в обценном наименовании женщины легкого поведения.

⁸ Кундера М. Шутка. С. 297—298.

⁹ Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. III. С. 158.

означает активную слепоту (невидящий), но и, так сказать, пассивную (невидимый — *saesa nox* — «слепая» ночь)»¹⁰.

Согласно народным поверьям, сняв с человека с помощью магических приемов проклятие, можно снова сделать его видимым. Например, в русской быличке парень надевает на невидимую живущую в бане проклятую девушку крест и одежду, чем делает ее видимой и снимает с нее проклятие¹¹.

Нечто подобное проделывает с Люцией доктор Костка. Сначала он помогает ей купить зимнюю одежду, а потом, рассказывая ей о Боге и выслушивая ее своеобразную исповедь, возвращает Люцию к жизни.

В одной из его проповедей актуализируется концепт «черта»:

«Земля, на которой мы живем, — это **пограничная территория между небом и адом**. Ни одно начинание само по себе не бывает ни добрым, ни злым. Лишь его место в сущем порядке делает его добрым или злым. Даже телесная любовь, Люция, не бывает сама по себе хорошей или дурной. Если она будет в согласии с порядком, который установил Бог, если ты будешь любить любовью верной, то и телесная любовь будет благодатной и принесет тебе счастье»¹².

В сущности Костка в религиозных терминах говорит о том, что на языке философии сформулировал М. М. Бахтин:

«У человека нет внутренней суверенной территории, он весь всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит *в глаза другому* или *глазами другого*»¹³.

Именно Костка помогает Люции преодолеть дисгармонию между телесной и духовной любовью.

В финале главный герой романа Людвик, который спустя много лет встретил Люцию, но сделал вид, что не узнал ее, играя, как в юности, в народном ансамбле, ощущает древний синкретизм настоящих чувств и страстей, освобожденный от условностей современной цивилизации:

«Я чувствовал себя счастливым внутри этих песен <...>, в которых печаль не игрива, смех не лжив, любовь не смешна, а ненависть не пуглива, где люди любят телом и душой (да, Люция, и телом, и душой разом!), где в ненависти тянутся к ножу или к сабле, в радости танцуют, в отчаянии кидаются в Дунай, где, стало быть, любовь — все еще любовь, а боль — все еще боль, где настоящее чувство еще не выкорчевано из самого себя и не опустошены пока ценности; и мне казалось, что внутри этих песен я дома, что из них я вышел, что их свет — мой изначальный знак, моя родина»¹⁴.

С точки зрения мифологического сознания, только сейчас Людвик обретает способность социализировать свои эмоции, становясь не объектом, а субъектом своей жизни, настоящим «статусным мужем». И потому открытый финал романа позволяет надеяться, что «заколдованный принц» Людвик и «балованная фея» Люция однажды встретятся вновь, обретя счастье друг в друге.

---

¹⁰ *Протт В. Я.* Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. С. 165.

¹¹ Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. III. С. 389.

¹² *Кундера М.* Шутка. С. 315.

¹³ *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1990. С. 312.

¹⁴ *Кундера М.* Шутка. С. 410–411.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агранович С. Э., Стефанский Е. Е.* Миф в слове: продолжение жизни. — Самара : Самар. гуманитар. акад., 2003. — 168 с.
2. *Бахтин, М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — 2-е изд. — М. : Художественная литература, 1990. — 543 с.
3. *Кундера, М.* Шутка / пер. Н. Шульгиной. — СПб : Азбука-классика, 2003. — 416 с.
4. *Михайлин, В. Ю.* Русский мат как мужской обценный код: проблема происхождения и эволюция статуса // Новое литературное обозрение. — 2000. — № 43. С. 347—393.
5. *Михайлин, В. Ю.* Между волком и собакой: Героический дискурс в раннесредневековой и советской культурных традициях // Новое литературное обозрение. — 2001. — № 47. — С. 278—320.
6. *Протт, В. Я.* Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. — М. : Лабиринт, 1998. — 512 с.
7. *Славянские древности: Этнолингвистический словарь* : в 5 т. — М. : Международные отношения, 1999—2012.
8. *Стефанский, Е. Е.* Эмоциональные концепты как фрагмент мифологической и современной языковых картин мира (на материале концептов, обозначающих негативные эмоции в русской, польской и чешской лингвокультурах) : монография. — Самара : Самар. гуманитар. акад., 2008. — 316 с.
9. *Kundera, M.* Žert. — Brno : Atlantis, 1996. — 328 s.